

Дидо Сотирiu

[229]

ИЛ 9/2019

Преступление

Перевод с греческого Юлии Ельновой-Епифаниу

ЛЕТЧИК Джордж Флаи чувствовал себя удовлетворенным, почти счастливым. Он держал руль того самого автомобиля, на котором ранее его доставили на новую базу для “особых поручений”. Он жал на газ, и машина неслась, едва касаясь асфальта, как будто он взлетал на своем любимом “Лаки 29”¹.

Полуприкрыв глаза, он пытался думать. (Впрочем, “думать” — это слишком сильно сказано. С тех пор как началась война, думать особенно не приходилось.)

Джордж радовался своему неожиданному триумфу. Не шутное это дело, когда среди стольких летчиков, отличных и толковых, выбирают тебя для важнейшей секретной военной миссии! Когда сам маршал калибра Билли Бета вызывает к себе и, вместо того чтобы отдавать приказания, в то время как ты стоишь по струнке, дружески хлопает тебя по плечу, приглашает вместе отобедать безо всякой официальности, пьет за твое здоровье и говорит: “Джордж, ты мой самый храбрый летчик, самый хладнокровный, самый опытный...”. А на сле-

© Кéдрoс, 2004

© Юлия Ельнова-Епифаниу. Перевод, 2019

1. В-29 “Суперфортресс” — американский стратегический бомбардировщик. В 1944 г. В-29 впервые были применены в боевых операциях против Японии. В августе 1945 г. с В-29 были сброшены атомные бомбы на японские города Хиросима и Нагасаки. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

дующее утро штаб вверяет тебе военные секреты, о которых ничего не подозревают ни министры, ни генералы!

На счету у Джорджа уже значилось ровно сто сложных заданий. И все сто были, как говорится, выполнены “с полным успехом”. Один дьявол знает, сколько казарм, складов и заводов он поднял на воздух! Но большего триумфа, чем подрыв того вражеского броненосца, он не помнил. Джордж потопил его с такой легкостью, будто тот был игрушечный.

Как обезумевший танцор, сжимающий в объятиях хмельную даму, он кружил свой самолет в голубой безбрежности и выполнял сумасшедшие фигуры мертвой петли, а затем одним вертикальным рывком устремлялся прямо в цель. Рука уверенно лежит на рычаге. В глазах сосредоточенность. И бомбы выбрасываются одна за другой, с предельной точностью. Что за удовольствие чувствовать себя наверху, когда внизу все рвется на части и дым с яростными языками пламени круглыми грязно-желтыми и черно-багровыми клубами взвивается в небо!

Каждый раз после подобного подвига приземление было триумфом, а взлет праздником. Медали раскладывались на полках, и в карманах всегда водилось достаточно долларов для веселых пирушек, во время которых весельчак Стайм учил его различным штучкам, чтобы впечатлить окружающих. Например, как выпить залпом вторую бутылку виски, не выпуская при этом из объятий двадцатилетнюю красотку Хелен.

“Счастливики!” — так его называл Джимис, который после своего десятого полета очутился в больнице без обеих рук... Счастливицом его называли и остальные, отчасти с завистью, отчасти с восхищением. Джордж чувствовал себя сильным, стальным. Он управлял своими нервами, приказывал своему телу, умел укротить даже неистовые природные стихии, делать сложнейшие математические расчеты во время маневров с точностью до секунды. Он казался себе похожим на настоящего героя детских комиксов. На супермена, Майти Майга! Теперь он почти презирал того чувствительного студенткишку Джорджа Флаи, книгочех и идеалиста в скромном, потертом костюме, который с легкостью заражался энтузиазмом от болтовни тети Эмили, вечно проповедующей всечеловеческую любовь. Что бы сказала сейчас тетя Эмили о врагах родины?

Что бы сказала о нем самом? Ходила бы по четвергам на чаепитие для сорокалетних и рассказывала бы, как и раньше, про своего феноменального племянника, который в десять лет решал сложнейшие уравнения? Нашла бы она способ приукрасить сегодняшние его военные подвиги, чтобы прими-

ритель их с ее идеями в духе миролюбия? Или все же отнесла бы и его к тому же сорту людей, к которому с отвращением относилась всех военных? “Профессиональные убийцы, которых, вместо того чтобы писать о них в криминальной хронике, превозносят как героев отечества!” Бедная тетя Эмили! Если бы ты очутилась во вражеских руках, интересно, продолжала бы ты разглаживать о любви ко всему человечеству?

Джордж помнил, как каждую субботу тетя давала ему небольшую сумму на карманные расходы. Это было его единственным доходом, помимо того, что он получал, подрабатывая сезонным официантом в студенческом клубе. (Надо сказать, детство у него было трудное. Матери он не знал, а отец, который был прокурором, умер от сердечного приступа, когда сыну исполнилось двенадцать лет...)

Сейчас в жизни Джорджа должно было измениться все. На следующий день после его последнего награждения, он пошел и хорошенько напился со своим другом Джойсом. И тот, нервно хихикая, сказал ему:

— Слава — надежная облигация, Джордж! Хорошо оплачивается. Скоро поедешь домой на родину, за тобой будут бегать журналисты, дельцы, рекламодатели: “Мистер Флаи, пару слов для слушателей радиоволны ‘Правда!’”. “Мистер Флаи, улыбочку, пожалуйста, для телевидения. Спасибо!”. “Мистер Флаи, фото на всю страницу для обложки журнала ‘Вумэнс Бьюти!’”. “Мистер Флаи, как вы находите треску марки ‘Чайка’ компании Би-эф-эй?”. “Мистер Флаи, что вы думаете об автомобилях модели Пул-Пул?” “Мистер Флаи, что вы можете сказать по поводу вилл на Белфорнии от компании ‘Фрукты Полезны для здоровья?’”. “Мистер Флаи, насчет самолета 1.X. военной промышленной компании ‘Дэс корпорэйшн’”, “...электро-холодильника от завода напитков ‘Пока-Пика’”, “...золотых зубных протезов от ‘Бана Боб сэсайэти’”. “Уважаемый мистер Флаи, окажите нам честь стать техническим консультантом нашей авиакомпания!”. И, как говорится, дружище Джордж, чеки будут поступать на твой счет в банке, а в шоу-бизнесе тебя будут считать самым популярным мужчиной нашей счастливой страны. Секс-символом! И никакая Сюзии не повернется к тебе спиной, чтобы бежать за Вилли, а будет прижиматься своими горячими ненасытными губами к твоим всю ночь...

Вот и выполнено сто первое секретное задание Джорджа Флаи.

День был ясным. Все было новым для него: самолет, бомба, которую он нес, даже его собственные ощущения. Генерал Венсан лично приехал на аэродром с небольшой группой ученых.

— Джордж Флаи, — сказал он официальным тоном, — сегодня — исторический день, от которого зависит будущее всего человечества. Наша могучая родина передает в твои руки супербомбу, которая прекратит войну, и мы выйдем из нее победителями...

И вот Джордж летит. Глаза его сияют, душа поет. Крепкими руками держит он руль Истории. Ему кажется, будто самолет несет в своем чреве само солнце. Совсем скоро зажжется огромное зарево и это будет свет мира. *Идите и примите Благодатный огонь...*¹

Он видит перед собой пурпурные небесные врата, увенчанные лаврами, ведущие прямоком к славе. Сверху развевается флаг родины, словно оторванная полоса звездного неба. Разворачивается и расстилается над всем миром, становится кровлей Земли. Трубы трубят победный гимн. “Правь, Маккартия²! Правь, любимая земля свободы!” Джордж стоит у этих райских врат. Приветствует толпы людей, которые его превозносят. Только с краю какая-то женщина в несуразных очках с толстыми линзами плачет.

— О, тетя Эмили, ты плачешь? Почему?

— Джордж, мой любимый мальчик, не делай этого! Вернись назад, Джордж!

— Тетя Эмили, ты помнишь миф о Минотавре и Тесее, который ты мне рассказывала, когда я был маленьким? Я хочу быть Тесеем, чтобы освободить мир от этого никому не нужного кровавого бремени войны...

— Джордж, ты шутишь? Или разыгрываешь меня? Не надо! Не надо, Джордж!

Джордж больше ни о чем не думает. Поднимает самолет ввысь и теряется за облаками. Полностью сосредотачивается.

И вот под ним цель: вражеская держава!

...Страна просыпается. (Какой сон снился ей?) Матери кормят грудью своих детей, пеленают их, купают. Домохозяйки готовят еду. Проветривают на солнце простыни, идут за покупками. Школьники усаживаются за парты. На дворе играют малыши. На заводах тысячи людей встают к станкам. Рабочие передвигаются по строительным лесам, воздвигая и воспевая будущее. Какой-то молодожен, припозднившись в объятиях молодой жены, быстро целует ее на прощание. Художник с нетерпением наносит последние мазки на картину всей своей жизни. И поэт, вечно страждущий мира, пишет поэму о радости простого человеческого бытия...

1. Слова священника во время Пасхального богослужения.

2. Измененная форма от маккартизма.

Самолет Джорджа находится прямо над целью. Он ощущает себя одним огромным глазом, одной громадной рукой, твердо держащей рычаг управления. Часы Истории отсчитывают: три, два, один!

Глаза Джорджа не выдерживают ослепляющего света. Он разворачивает самолет, уходит, несется, как будто за ним гонится стая бешеных зверей. Он чувствует, что сердце вот-вот остановится, руки трясутся. Глаза, уши, кости, все болит!словно вся его душа наполнилась тем радиоактивным облаком, которое гигантским отравленным грибом накрыло мир. Все погрязло во тьме. Нет больше солнца! Нет больше света! Кромешный мрак! Бог мой! Раскололся земной шар? Разрушился целый мир? Что в конце концов случилось? Что?!

Столица Маккартии приветствует своего героя Джорджа Флаи. Бесчисленное количество людей с фотоаппаратами и флажками в руках заполняют тротуары. С небоскребов сбрасываются миллионы листовок с фотографией героя. Автомобили с одетыми во фраки дипломатами, политиками, бизнесменами, генералами и военными следуют к месту чествования. Тысячи полицейских и сотрудников спецслужб на мотоциклах и машинах быстрого реагирования окружают авто, в котором ошеломленный Джордж, стоя, приветствует толпу. Сотни журналистов, фоторепортеров, телевизионщиков бегут к нему. Интервью, званые обеды, телевидение, внеочередные выпуски, неоновые надписи: "Родина благодарит!" Компании торопятся выпустить рекламные, где названия их фирм связаны с именем легендарного летчика. Подарками заполняется его дом. Даже церковь и та торопится гарантировать ему место в раю!

Желтая пресса полна несуществующих историй из его жизни. "...еще в колыбели Джордж сумел задушить змею, которая к нему заползла!" Наш герой улыбается. Он прочитал это в какой-то газете, но уже не помнит в какой. Жалуется на неправдоподобность.

"Народу нужны мифы, мистер Флаи. Информационный вакуум требует своего заполнения, как вы сами понимаете..." Джордж не понимает, но у него нет времени думать об этом. Слава опьяняет. Десять специальных агентов и столько же наемных охранников пытаются оградить его от назойливости фанатов, которые день и ночь выпрашивают автографы и фото.

Со временем, однако, все постепенно сходит на нет, нашего героя забывают, и он уходит в тень. Остается только его гриб,

отравляющий воздух радиоактивным густым туманом, который все эти годы таит в себе что-то мрачное и неясное. (В мирных целях, как некоторые продолжают настаивать!) Мудрые ученые-изобретатели уподобляются ученикам чародея¹ и, когда выходят из своих лабораторий, причитают, словно плакальщики, опасаясь, что их изобретения, будучи неверно использованными, сотрут все человечество с лица земли!

В мире царит неопределенность. Становится все больше психиатров, психоаналитиков и гадалок. “Как скоро начнет новая война?” Становится все больше безработных. Становится все больше “подозреваемых”, которых Маккартия лечит “промыиванием мозгов”. Бомба, война! Бомба, война! Ужас выжигает безобразные татуировки на душах людей...

Тяжелеет воздух и на вилле Джорджа Флаи. Что-то не дает ему дышать... Каждое утро почтальон оставляет ему горы писем, полных ужасных слов о его геройском поступке. И однажды поздним вечером — тем самым вечером! — его будит звонок особого, личного телефона.

— Джордж Флаи? Это вы?

— Я, черт возьми! Что случилось?

— Джордж Флаи, вдумайся в то, какое зло ты совершил! За три секунды ты умертвил триста тысяч душ!

Голос прерывается на вскрипе. Джордж начинает дрожать, он растерян. Затем его охватывает гнев, он ругается, собирается уведомить полицию, требовать защиты прав. Но в нерешительности останавливается, проводит бессонную ночь возле телефона, держит руку на трубке: вдруг снова слышится тот ужасный голос! От страха мысли в голове беспорядочно мечутся от прошлого к настоящему, от настоящего к будущему. Почему в конце концов все предъявляют счет ему? Почему? Он был всего лишь последним винтиком. Бомба не его изобретение. Ведь даже не он принимал решение сбросить ее на головы людей. Он только выполнял приказ. Всего лишь выполнял приказ...

Ему вспомнилось одно судебное разбирательство, прокурором тогда был его отец, а обвиняемым — молодой человек из приличной семьи. Кто-то заставил его убить вдову. Темная история. В итоге перед судом предстал тот, кто осуществил убийство, он был осужден и приговорен. Тот же, кто толкнул его на преступление, исчез...

1. В балладе Гёте ученик чародея вызвал к жизни магические силы, с которыми не в состоянии был справиться.

Каждый вечер в одно и то же время звонит телефон. Джордж, холодея, берет трубку.

— Джордж Флаи, вдумайся, какое зло ты совершил! За три секунды ты умертвил триста тысяч душ!

В полном исступлении он бросается на телефон, выдергивает шнур из розетки, кидает его на пол, топчет ногами, кричит!

— Я тебя не боюсь! Не боюсь! Я раздавлю своих врагов. Я покажу всем, что я сильный, что не боюсь никого! Никогооооо!

Он обхватывает голову двумя руками. Потом трясет ею, прогоняя наваждение. Распрямляется, берет себя в руки, ищет в тумбочке успокоительное. Пальцы путаются в медалях и орденах. Он хватает их и выбрасывает в окно. Выпивает две таблетки люминала и засыпает. Сквозь тяжелый сон снова слышится телефонный звонок.

— Джордж Флаи? Это ты? На улице тебя ждут триста тысяч мертвецов!

Скелеты с воплями лезут через окна и двери. Преследуют его. Он убегает, задыхаясь, натывается на какие-то развалины. На него сваливаются камни. Железные пруты, торчащие из разрушенных бетонных стен, превращаются в змей. Обвиваются вокруг его ног, рук, шеи, заползают в самое сердце и кусают его. “Нет! Нееет!” — с воплем просыпается он. Пот струится по всему телу. Мысли назойливо крутятся вокруг самоубийства.

Один из друзей, доктор, советует ему уехать куда-нибудь подальше, пожить на природе.

— Нет никакой патологии, — говорит он ему. — Ты здоров как бык. Просто тебе необходимо немного отдохнуть.

Джордж уезжает далеко, в глухую деревню, где его никто не знает. Целый день копается в земле, сажает деревья и розы. Общается только с животными: ягнятами, лошадьми, собаками, а также с парочкой местных ребятишек. Играет с ними, заботится о них. В их глазах светится радость, дружелюбие, и это приносит ему облегчение.

— Дядюшка Джордж, — говорит ему однажды его маленький дружок Джон, мальчик лет десяти. — Ты хотел бы стать первым в мире космонавтом? Я бы хотел!

— А почему бы ты не хотел стать первым летчиком, который сбросил супербомбу и принес победу своей родине? — спрашивает он с волнением.

— Нет, дядя Джордж, я не хотел бы им стать.

— Но почему? Почему?

— Не знаю почему... Но не хотел бы. Наш учитель говорил нам, что...

Джордж резко обрывает его:

— Джонни, смотри! Смотри же! Салли схватила твоего маленького цыпленка!

Мальчик срывается с места. Бежит со всех ног дать нагоняя кошке. Джордж опускает голову, тяжелую от усталости. Ему хочется закрыться в доме и никогда не выходить оттуда. Но нет... Он сделает свой последний ход. Иначе он должен будет признать свое поражение, признать, что он и сам повел в свою вину.

Как только возвращается мальчик, Джордж снова продолжает прерванный разговор:

— Скажи, Джон, что, если бы я сказал тебе, что тот летчик, который сбросил супербомбу, — это и есть я? Что бы ты сказал на это?

— Тоже мне, дядя Джордж! Какая ерунда! Вы такой хороший! Пойдемте лучше накажем Салли. Повеселимся!

Он хватает его за обе руки и тянет силком. Джордж ощущает себя полностью безжизненным. Соседские ребятишки собираются гурьбой и начинают жестоко издеваться над кошкой. Привязывают к ее хвосту банки, поливают скипидаром...

— Хватит! Остановитесь!!!

Джордж сам пугается того иступленного крика, который вырывается у него из груди. Он больше не может этого выносить. Он торопится убежать, так же как провинившаяся Салли. Он больше не может оставаться в деревне.

Тем же вечером он собирает вещи и, словно вор, ни с кем не прощаясь, садится в машину и уезжает... Выжимает газ и несется на огромной скорости. В голове вертятся слова из одного письма. Почему именно из него? Ему послали его триста раз подряд. Там было написано: “Я студентка девятнадцати лет. Когда бомба упала на мою несчастную родину, я была еще ребенком. Мои родители думали, что им удалось меня спасти. Потихоньку отстроили дом, снова посадили деревья, цветы. Мы были полны решимости все забыть. Я закончила лицей. Поступила в университет. В прошлом году, в первый раз, в нашем саду зацвела хризантема. Пришла и первая любовь. Жизнь была чудесна. Мы с моим возлюбленным строили планы на будущее... Только... в моей крови затаилась смерть, лейкемия! Я приговорена! Умру! Но перед тем как мои глаза закроются навсегда, я хочу, чтобы мой голос был услышан во всех концах земли. Я хочу достучаться до сердец всех людей! Нужно остановить руку воинствующих губителей жизни, убийц человеческого счастья! Чтобы никогда и нигде больше не произошло подобного зла...”

“Чтобы никогда и нигде больше не произошло подобного зла...”

“Чтобы никогда и нигде больше не произошло подобного зла...”

Фраза, словно заевшая граммофонная пластинка, крутится в голове Джорджа. Он шепчет ее благоговейно, тихонько. Эти слова как бальзам на его раненое сердце. Расслабляются натянутые струны нервов. Смягчаются черты его лица. Может быть, все же существует способ примирения с людьми? Может быть, возможно что-то исправить?

Он останавливает автомобиль, разворачивается и едет в другую сторону. Он не вернется больше на свою виллу. Она не принадлежит ему. Она не нужна ему. Он поедет в дом своего детства, найдет тетю Эмили...

Прибыв на место, он узнает, что старушка при смерти и просит его к себе. Он бежит к ней, захлебываясь в слезах, обнимает ее.

— Тетя Эмили! Зачем я отрекся от тебя? Почему не прибежал сразу? Останься со мной, тетя Эмили! Не уходи! Ты мне нужна! Скажи, как исправить то зло, что я натворил?

Тетя Эмили пытается что-то сказать. Ее голос чуть слышен.

— ...да, Джордж! Да... любимое дитя мое!..

Она протягивает к нему свои слабые руки, улыбается в последний раз и уходит из жизни. В ту же бессонную ночь Джордж Флаи садится и пишет свое первое открытое письмо: **Я НЕ ГЕРОЙ, Я ПРЕСТУПНИК...**

Отправляет его повсюду, во все газеты и журналы, которые его прославляли, в правительство, в церковь, военным, ученым. Тщетно дожидается ответа в печати. Абсолютная тишина в ответ на крик его души! Через некоторое время, ошеломленный, читает в утренних газетах:

“У Джорджа Флаи, летчика-героя, острый приступ шизофрении!”

В расстройстве он бежит в гараж за машиной, чтобы ехать к адвокату подавать судебный иск. Возможно, просить аудиенции у самого президента. На пороге его останавливают два секретных агента.

— Вы арестованы, — говорят ему.

— Я? Арестован? Почему?

— У нас такое указание.

— Да вы знаете, кто я?

— К сожалению, да!

В то же самое время с жутким воем сирены подъезжает машина скорой помощи. Шесть человек в белых одеждах на-

сильно надевают на него смирительную рубашку. Джордж сопротивляется, вырывается из их рук, прыгает через забор. За ним бегут, догоняют, бьют и отправляют в “специальную” психбольницу. Его подвергают ужасным “терапевтическим методам”, “очищению мозгов”. Изолируют в отдельной палате.

Однажды ночью он находит под подушкой огнестрельное оружие. Он берет его в руки, вертит, разглядывает и улыбается — решение принято:

— Нет, я не покончу с собой! Считайте, что я только что родился. Только что увидел свет. Мне нужно еще многое сделать...